

Ли Тан не мог понять, что Цзян Лу говорил. Что он имел в виду, говоря перестать притворяться? Разве это не нормально - испытывать еще больший ужас, когда на тебя нападают поздно ночью?

Что касается «ты знаешь, кто я», Ли Тан поразмыслил и пришел к выводу: «Может быть, он когда-то был частью их банды?»

Вернувшись домой, лежа в постели, Ли Тан снова и снова прокручивал в голове выражение лица Цзян Лу. Он различил лишь легкое замешательство и едва уловимое чувство неловкости в выражении своих чувств.

Он снова забыл сказать «спасибо».

Не привыкший принимать одолжения, Ли Тан подготовил свои реплики и несколько раз отрепетировал их в спальне, прежде чем выйти из дома. Он собирался искренне поблагодарить Цзян Лу, как только увидит его сегодня.

Но он не ожидал, что как только он войдет в класс, Ли Цзычу, сидевший на третьем месте во втором ряду, помашет ему, приглашая подойти.

— Учитель Лю пришел в класс раньше и сказал, что с сегодняшнего дня мы будем сидеть вместе. — Ли Цзычу улыбнулся: — Привет, новый сосед по парте.

Как только утреннее чтение закончилось, Ли Тан направился в конец класса.

Однако он опоздал. Несколько учеников с задней парты, включая Цзян Лу, покинули класс за несколько минут до звонка. Ученик с первой парты сказал, что учитель китайского языка позвал их перенести учебные пособия.

Ли Тан набрался смелости и обратился с этим вопросом к классному руководителю.

— Сегодня рано утром ко мне пришел Цзян Лу и попросил передвинуть твоё место вперед, — сказал господин Лю.

— Но я не хотел пересаживаться.

— Он сказал, что у тебя близорукость, и ты не можешь четко видеть доску во время урока.

— ...

Имея близорукость, Ли Тан, которому действительно нужны были очки, чтобы читать с доски

во время урока, на мгновение лишился дара речи.

Господин Лю поправил очки и окинул его оценивающим взглядом:

— К тому же, ты невысокого роста. Сидеть здесь — самое то.

Ли Тан, рост которого составлял около метра семидесяти, не имел ничего против.

Хотя он все еще находил это странным — внезапно пересаживаться, может быть, это из-за той песни?

«Но он спас меня прошлой ночью, он не похож на человека, который затаит обиду из-за песни».

Что было еще более неприятно, так это то, что Ли Тан не смог найти возможности даже сказать «спасибо».

То ли намеренно, то ли случайно, но в последние дни Цзян Лу либо спал, либо его вообще не было видно на переменах. Даже когда он собирал и распределял домашние задания по математике, он редко появлялся. Вместо этого его место занял его новый сосед по парте, Хо Сичэнь.

Изначально Хо Сичэнь был соседом Ли Цзычу по парте. Пересев на последнюю парту, он стал гораздо жизнерадостнее, ходил бодро и напевал какую-то мелодию. Поэтому, когда Ли Тан подошел к нему, он настороженно посмотрел на него:

— Чего ты хочешь? Я не собираюсь меняться с тобой.

Как будто последнее место в четвертом ряду, или, скорее, рядом с Цзян Лу, было неким благоприятным местом.

Нерешенные вопросы могут легко превратить тревогу в разочарование.

Ли Тан начал часто потирать шрам на левом запястье — синяк, оставленный главарем банды, когда он тем вечером собирался украсть у него часы.

Сначала он тыкал ее пальцами. Опухшая кожа потеряла свою первоначальную эластичность и через несколько секунд восстанавливала свою форму после нажатия.

После нескольких повторений этот участок кожи, казалось, обрел сознание, постепенно онемев и утратив болевые ощущения. Тогда Ли Тан начал щипать его кончиками пальцев и

ногтями.

Ногти у него были короткими, поэтому боль от пощипывания была тупой, достаточной, чтобы онеметь, но не вызывающей сильной боли. Этот уровень был для него как раз подходящим.

После двух дней такого щипания дома тетушка случайно обнаружила, что травма запястья Ли Тана не только не зажила, но, похоже, даже ухудшилась. Она поспешно приложила лекарство.

И она рассказала об этом отцу Ли Тана.

На этот раз Ли Юаньшань приехал в Сюйчэн якобы для того, чтобы проверить, как обустраиваются его жена и сын, но на самом деле прибыл по делам.

Поэтому Ли Тан увидел его только на третий день прибытия.

Утром за завтраком сидели только отец и сын. Ли Юаньшань выглядел уставшим после бурной ночи, и, заметив синяк на запястье Ли Тана, спросил:

— Как ты повредил руку?

Ли Тан уже подготовил ответ:

— Я споткнулся и упал, ударившись рукой о землю.

Ли Юаньшань напомнил ему быть осторожным, не бегать бесцельно и проводить больше времени дома, сопровождая мать. Ли Тан согласился.

Затем он спросил:

— Как дела в новой школе? Появились ли у тебя новые друзья?

По какой-то причине Ли Тан подумал о Цзян Лу.

Хотя друзьями они, скорее всего, не считались.

— Конечно, — искренне сказал Ли Тан, — у меня появилось много друзей, мне даже не хочется уезжать отсюда.

Когда он был маленьким, мать рассказала ему историю о волке.

Он забыл большинство подробностей, но в итоге все закончилось тем, что мальчик, который часто лгал, окончательно разуверил взрослых. В конце концов, его укусил волк, разорвал ему шею и съел целиком, вместе с костями.

Ли Тан долгое время был глубоко напуган таким концом, и долгое время он не осмеливался сказать ни единой лжи, например, о том, какой он робкий и боится темноты, или о том, что он не хочет выходить на улицу и заводить друзей... даже о таких мелочах, как то, что он не любил булочки, но любил хлеб, он правдиво рассказывал Ли Юаньшаню.

В ответ он получил упреки от Ли Юаньшаня.

— Как мальчишка может быть таким трусливым? Мне кажется, тебя просто избаловали.

— Если ты не заведешь друзей, как ты будешь развивать навыки общения? Как я смогу доверить тебе компанию в будущем?

— Почему ты не ешь хорошую китайскую еду и вместо этого любишь эти иностранные блюда? Ты доставляешь мне столько хлопот.

Позже он поумнел. Запертый в своей комнате, он стиснул зубы и не плакал, притворяясь, что ему совсем не страшно; несмотря на страх перед обществом, он заставлял себя посещать различные вечеринки и без колебаний заводил бесчисленное количество «друзей»; дома ему нравилось то же, что и матери, а на улице он следовал моде одноклассников, будь то аниме-игры или кофе с молоком.

Он не умел лгать, но и не хотел выделяться.

Находясь в толпе, он чувствовал себя нормально и, следовательно, в безопасности.

За исключением одного, он ничем не отличался от обычных мальчишек вокруг него.

В среду днем, во время перерыва, Ли Тан сидел на ступеньках, ведущих на крышу четвертого этажа комплексного здания, и сидел в интернете на своем телефоне, просматривая хорошо известный отечественный форум для общения геев.

Он редко сюда заходил. Во-первых, экран был заполнен сообщениями о поиске партнеров в том же городе, что было довольно запутанно и сложно найти ценный контент. Во-вторых, у Ли Тана было сильное ощущение кризиса, и он привык думать далеко вперед и ожидать худшего.

Он даже думал, что если однажды неожиданно умрет, его телефон станет важной уликой для расследования. Полиция проанализирует все записи чатов, все поисковые запросы, которые он просматривал, и выставит их на всеобщее обозрение, словно публичную порку.

Такие вещи были неконтролируемы, но Ли Тан надеялся, что, по крайней мере, когда полиция откроет его историю просмотров, она не будет заполнена страстным содержанием вроде «что мне сделать для расширения в первый раз» или «какой максимальный размер можно вместить».

Даже если он умрет, он хотел умереть достойно, умереть спокойно.

Услышав шаги, Ли Тан просматривал пост, посвященный исключительно чистой любви. В оригинальном посте говорилось, что парень, в которого он был влюблен, был намного выше его, и каждый раз, когда тот наклонялся, чтобы заговорить с ним, ему казалось, что тот хочет его поцеловать.

Большинство комментариев насмеялись над ним, призывая не заикливаться на этом, ведь в мире все еще полно гетеросексуальных мужчин. Некоторые удивлялись, насколько коротким был оригинальный текст, удивляясь, как можно было неправильно понять простой наклон головы.

Закрыв браузер и заблокировав экран, Ли Тан встал.

Время было выбрано идеально. Человек, поднимавшийся вверх, миновал угол третьего этажа и поднял глаза, встретившись взглядом с человеком сверху.

Ли Тан сегодня был в контактных линзах, поэтому он мог ясно видеть, что Цзян Лу слегка приподнял брови, когда увидел его.

Учитывая предыдущий опыт, Ли Тан на этот раз начал с выражения благодарности.

— За прошлый раз, спасибо тебе.

Цзян Лу встал прямо перед ним:

— Который раз?

На самом деле, это было не один раз. Ли Тан сказал:

— В понедельник вечером у школьных ворот, а также за прошлый раз, когда выбирали представителя класса... Я хочу поблагодарить тебя за оба раза.

На лице Цзян Лу отразилось понимание:

— Только за это.

Ли Тан был ошеломлен:

— А еще за что?

«Если не за это, то за что?»

«Признание?»

Цзян Лу улыбнулся, но ничего не ответил.

Сегодня он был одет в осеннюю форму, и свободные рукава прикрывали его руки.

Вспомнив о второй цели этого визита, Ли Тан указал на свою руку, затем на руку Цзян Лу:

— Рана на твоей руке заживает?

Цзян Лу уклончиво хмыкнул, по-видимому, не желая больше объяснять происхождение большого синяка.

Вместо этого он взглянул на запястье Ли Тана, висевшее рядом с ним, куда нанесли лекарство, из-за чего вид у него был преувеличенный, как будто он получил серьезную травму.

Ли Тан невольно спрятал руку за спину, его пальцы крепко переплелись.

К счастью, Цзян Лу не стал насмехаться над ним из-за его деликатности.

Он перевел взгляд на единственное окно на лестничной клетке. Палящее полуденное солнце светило сквозь стекло, слепя его и заставляя щуриться.

Воспользовавшись этим коротким моментом, Ли Тан собрался с духом:

— Я хочу пригласить тебя на ужин.

За окном, выходящим на детскую площадку, раздался шум. Цзян Лу, не расслышав, наклонил голову:

— Что?

Говорили, что он был глух на левое ухо и слышал исключительно правым. Поэтому его

посадили в угол класса, и, слушая других, он имел привычку наклонять голову, слегка вытягивая вперед правую сторону лица.

Расстояние внезапно сократилось настолько, что стало видно, как солнечный свет проникает сквозь его тонкую мочку уха, придавая изначально бледной коже легкий золотистый оттенок.

Он задержал дыхание чисто инстинктивно.

Ли Тан повторил то, что он только что сказал, но про себя подумал, что профиль был явно больше похож на это... больше похоже на просьбу о поцелуе.

Во время дневного перерыва Ли Цзычу спросил, удалось ли ему поймать Цзян Лу, и Ли Тан кивнул.

Ли Цзычу, его сосед по парте, заметил, как он последние два дня гонялся за ним, словно волк за овцой. Ли Тан не стал отрицать этого, сказав лишь, что хочет как следует отблагодарить Цзян Лу за помощь.

— Тогда он согласился поужинать с тобой? — снова спросил Ли Цзычу.

Ли Тан удрученно покачал головой:

— Нет.

Однако Цзян Лу не отказался напрямую, а вместо этого сказал ему:

— В следующий раз.

Когда Цзян Лу спросили, когда это в следующий раз, тот, казалось, был удивлен таким серьезным вопросом и снова рассмеялся:

— Конечно, когда захочется поесть.

У Ли Цзычу было такое выражение лица, словно он ожидал этого:

— Похоже, никому еще не удавалось поесть наедине с Цзян Лу.

Ли Тан помнил это и действительно не видел, чтобы он обедал с кем-то еще.

Он даже не видел, чтобы тот ел в одиночестве. Судя по редким походам в столовую, Ли Тан за

неделю перезнакомился со всеми одноклассниками, кроме Цзян Лу, который ни разу не появлялся в столовой.

Ли Тан даже начал подозревать, что ему не нужно есть, как вампиру или что-то в этом роде.

Вспоминая фильмы, которые он смотрел раньше, он понимал, что кожа у вампиров тоже очень белая и блестит на солнце.

Ли Цычу снова спросил:

— Ты спросил его, почему он хотел, чтобы ты пересел?

— Нет, — сказал Ли Тан. — Даже если бы я спросил, причину, которую он мне бы назвал, вероятно, была бы той же, что и у учителя.

— Тоже верно.

Ли Тан взглянул на своего нового соседа по парте:

— Кажется, тебя больше волнует смена места, чем меня.

Ли Цычу опешил, а затем рассмеялся:

— Просто немного любопытно.

Время пролетело быстро, и после шести дней вечерних самостоятельных занятий тело Ли Тана чувствовало себя истощенным, он спал с наступлением темноты до полудня.

Ли Юаньшань вернулся в столицу, оставив перед отъездом значительную сумму денег. В обеденное время Ли Тан, прикусив палочки для еды, проверил баланс банковской карты, думая, что на следующей неделе купит всем в школе еще несколько чашек молочного чая. Они также любили жареную курицу.

Благодаря его щедрости телефон Ли Тана не переставал звонить с самого утра. Помимо приглашения Чжоу Дунцзе поиграть в семейном кафе, он также приглашал поиграть в баскетбол, квесты и даже посмотреть фильм. Последнее было от девушки из соседнего класса, с которой он познакомился в кафе на прошлой неделе. В тот день он добавил несколько контактов в WeChat, и Ли Тан уже забыл, как эта девушка выглядит.

Его пальцы хаотично водили по экрану, а Ли Тан, страдая от усталости от принятия решений, еще не решил, чье приглашение принять, когда внезапно услышал шаги внизу.

Подняв глаза, она увидела Чжан Чжаоюэ, которая несколько дней отдыхала за закрытыми дверями, наконец-то вышедшую из своей запертой комнаты.

Когда мама оказалась рядом, всем остальным пришлось отойти на второй план.

После обеда с Ли Таном, когда ее спросили о планах на вторую половину дня, она ответила:

— Я хочу выйти на прогулку.

Ли Тан немедленно отреагировал, и еще до того, как Чжан Чжаоюэ отложила палочки для еды, он уже упаковал все необходимое для поездки: ветрозащитные куртки, одеяла для ее ног и термос с горячей водой для ее лекарств.

Тетушка похвалила его за заботу:

— Иметь такого почтительного сына, мадам, поистине настоящее счастье.

Чжан Чжаоюэ была не здорова, ее губы были почти бескровными от бледности. Услышав это, она лишь улыбнулась, но ничего не сказала.

Сидя в машине, водитель спросил, куда они едут, и Чжан Чжаоюэ ответила:

— Просто покатаемся.

К счастью, Сюйчэн был не очень большим, и поездка из одного конца города в другой занимала всего полчаса. По дороге Ли Тан активно рассказывал о своей новой школе и как бы невзначай сообщил, что стал представителем на уроке английского. Чжан Чжаоюэ была очень довольна, улыбнулась и посоветовала ему усердно учиться и не разочаровывать учителя, который его выбрал.

На полпути Ли Тан задремал, прислонившись к матери в машине, и проснулся от того, что дорога начала петлять и машина тряслась. Глядя в окно машины, можно было увидеть, как возвышающиеся небоскребы остались позади, а дорога впереди петляла к далеким зеленым горам.

Дома по обе стороны дороги стали разной высоты. Небольшие холмы были аккуратно вымощены плитами зеленого камня, что облегчало движение вверх. А между домами и шоссе оставалась лишь невысокая полоска сорняков.

Остановившись на обочине дороги, Ли Тан невольно глубоко вздохнул, вдыхая свежий воздух, смешанный с ароматом трав и деревьев.

Помогая Чжан Чжаоюэ выйти из машины, Ли Тан спросил:

— Мама, ты жила неподалеку, когда была в Сюйчэне?

Чжан Чжаоюэ на мгновение остановилась и сказала:

— Просто вышла посмотреть.

Ли Тан не понял, что именно стоит посмотреть.

Это место можно было бы лучше описать как простое и суровое сохранение своего первоначального состояния, в полной мере отображающее особенности городских поселений.

Примерно через полчаса у Чжан Чжаоюэ закружилась голова от ветра, и она прислушалась к совету Ли Тана вернуться в машину, чтобы отдохнуть.

Испытывая жажду, Ли Тан отправился в ближайший магазинчик за водой. Магазинчик был построен у подножия невысокого склона, с деревянной вывеской и красными иероглифами. Полки внутри тоже были деревянными, разъеденными сыростью, с несколькими неровными пятнами плесени.

На них были выставлены некоторые закуски, которые Ли Тан никогда раньше не видел, в красочной упаковке, которая на первый взгляд казалась дешевой.

Размышляя о том, из чего сделана закуска под названием «кошачьи ушки», Ли Тан услышал знакомый голос.

— Босс, дай мне канцелярский нож.

Повернув голову, он встретился взглядом с Цзян Лу.

<http://bllate.org/book/13923/1226760>